Лейкин Леонид

28.8.95.

КОЗЫРЬ

ЛИЦА

Семь дней. - 1995 - 28 авг. - 3 сент. (№35) - с. 3.

ТЫСЯЧА И ОДНО ДОБРОЕ УТРО

Когда три столетия назад в Европе успешно завершались гонения властей на комедиантов, предпринятые с целью укорачивания их злоречивых языков, родилась пантомима, так как часть лицедеев, наиболее неисправимых, перешла на язык жестов.

Когда же спустя три столетия мим из "Лицедеев" Леонид ЛЕЙКИН заговорил на канале ТВ-6, это не пришлось по вкусу зоилам из еженедельных газетных рейтингов – "Доброе утро с Леонидом Лейкиным" неизменно фигурировало в графе "Самая неудачная передача".

По всей видимости, участники опросов простодушно надеялись на действенность печатного слова, "по следам которого" говорливого клоуна по старой доброй традиции должны были попереть с канала, но, как констатировал один из критиков: "Несмотря ни на что, Лейкин появляется на экране каждое утро. Наверное, назло всем". И сотоварищи перестали упоминать его имя тоже, наверное, назло, не объяснив напоследок, что же их так решительно не устраивало.

"Свет погас, – так вполне невпопад мог бы отреагировать на ситуацию персонаж "Доброго утра", – потому что испугался".

Между тем Лейкин благополучно продолжает свою юмористическую шехеразаду, правда, уже не каждое утро, "вставая с левой ноги на эту бессмертную землю", а только по субботам и воскресеньям. Но это не из-за происков "сигнализаторов", скорее, накопилась усталость на марафонской дистанции, на которой "можно стереть ноги по колени". *(Ни здесь, ни выше, ни ниже цитаты из Лейкина специально не оговариваются. – Ю.А.).*

Стихия экспромта

Что скажешь о смехе Лейкина? Прежде всего то, что дело это не очень серьезное, он ни во что конкретно не метит – ни в бровь, ни в глаз, ни в Арзамас, – никого не клеймит, не язвит, не жучит, так, скорее, пересмешничает, ведет сольную партию стёба; плетет словеса по принципу: слово слово родит, третье само бежит, – повествуя о героических похождениях своего персонажа на земле, в небесах и на море, составляя нелепые силлогизмы ("Негр – это звучит гордо! Потому что мы все негры. Потому что мы пашем, как негры. Потому что материмся по-черному"), каламбуря, изобретая заковыристые метафоры ("Одутловатые покрышки мозговых извилин"), ставя что ни попадя с ног на голову ("Война хижинам и мир дворцам!") и так далее. Тем, кому доброго слова не жалко, могут поздравить Лейкина с созданием особого вида рассказа-импровизации (не пугать с сочиненным ранее устным рассказом И.Андроникова, например). Стихотворная импровизация, возможно, многим известна, хотя бы по Пушкину, а вот прозаическая, признаемся, в новинку, разве что сами в детстве врали, ну уж, конечно, не так, как Лейкин, не профессионально, не изощренно...

Импровизация по сути своей стихия – нет гарантии, что тебя занесет не туда, что не придется рубить мачты, спускать шлюпки на воду, а то и цепляться за обломки. Так что нельзя сказать, что Лейкин не дает поводов для критики. Провалы у него не редкость. Но тем дороже удачи.

Негр, он же Юнга и Танкист

От передачи к передаче Лейкин меняет маски, как перчатки: Доктор, Пират, Туземец, Самурай, Турка, Негр, Торреро, Бригадир, Танкист, Летчик, Юнга, Партизан. Тем не менее человеком с тысячью лиц его не назовешь. Лицо как раз одно и то же – распираемые изнутри от изумления глаза, как плошки, которые не видят ни крошки, и решительно сомкнутые кружочком губы – как затвор фотоаппарата. Что ни скажет, засветится. В смысле: умная голова, да к дураку приставлена.

"Броня крепка и танки наши чисты". (Моет шампунем танк). "Танки должны быть чисты, а броня – насуплена, чтобы врагам было страшно".

Лейкин – Читатель. В руках у него "Записки охотника" Тургенева. Читает и изумляется каждому слову, как Робинзон следам Пятницы на песке. От изумления постепенно переходит к толкованию, причем совершенно невероятному. "Жидкий, ранний ветерок", – читает он и комментирует: "Это кто подпустил-то, интересно?" И далее. Река задымилась – видимо, нефть спускали. Мальчики спят у костра как убитые – сразу возникает версия о действительном убийстве, которая тут же переходит в убежденность, так как Павлик приподнялся до половины. Другую, значит, отрезали. Но кто убил? Сам? Иван Сергеич? (Рассказ-то от первого лица.) Интересно! Колокола зазвонили – ясное дело, по убиенным. Ну, и так далее, в том же духе.

Царство химер

У Х.Л. Борхеса есть любопытное эссе о детективах. Там он пишет, что Эдгар По создал не только новый жанр в литературе, но и новый тип читателя, человека подозрительного, который не верит в книге ни одному слову, везде ему чудятся преступления и убийцы. Борхес говорит, что, если тому, кто до этого читал только детективы, дать почитать "Дон Кихота", то и его он будет читать как детектив. Получается один к одному наш герой, превративший поэтическую идиллию в кровавый гиньоль.

Но, если у Борхеса это частный, хотя и парадоксальный, случай читательской психологии, то у Лейкина – тотальный тип сознания, который все на свете "читает" не так: поражение как победу, барахтанье как героизм, абсурд как принципиальное достижение, убожество как условие великих свершений.

"Повалили баобаб. Набежал народ. Расщепили его, наделали черенков для лопат. Каждому по лопате. Все пошли гурьбой и, раз, – сделали БАМ, два, – сделали Беломорканал".

Или еще пуще. "Человек может быть колдуном в принципе, если захочет. Магическим человеком, волшебником. Захотел, взял лопату – и построил дом. Захотел – гостиницу "Советская".

У работника невидимого фронта, видать, перековавшегося, герой и антигерой перемешались в голове, образовав химерическую смесь. "Павлик Матросов, как его, собирательный гражданский образ. Закрыл амбразуру телом отца. Амбразуру черной коричневой фашистской чумы. Поэтому – Павлик Матросов... Ну, не важно. Мы отдадим должное Матросову, но не отдадим должное предателю Павлику. Страшные времена были".

Клоун как пророк

Что-то похожее я уже слышал. Телерепортер "Пресс-клуба" спрашивает на улице тетку: "Кто такие диссиденты?.. Ну, несогласные..." "А, – соображает тетка, – Ельцин, эти все наверху и есть с нами, народом, не согласные".

А времена и теперь неординарные. И Лейкин пророк их. Он со своим инфантильным героем как-то очень ладно в них вписывается. Потому что еще недавно зрелое наше общество вдруг катастрофически помолодело. Оно переживает пубертатный период с его крайней ранимостью и бесчувствием, шапкозакидательством и трусостью, максимализмом и мелочностью, короче, со всей гаммой инфантильных комплексов. И это касается не только распускающих хвост политиков, драчливых депутатов и фикстулящих нуворишей, т. е. их, но и всех нас, обывателей, то с энтузиазмом осваивающих челночный бизнес, то сидящих на кондере, гордо отказываясь идти на поклон к эксплуататорам.

Вот Лейкин и предлагает нам трезво посмотреть на себя в зеркало "Доброго утра" и посмеяться. А что, может получится? Лейкин старается.

Потому что сатира – это всегда про других, не про нас.

А юмор как раз наоборот – про нас и обязательно вместе с нами.

Юрий АКОПЯН.